

Допив чай, они вернулись на кухню. Тесто уже поднялось, и мужчины принялись вместе готовить начинку.

— Ты кунжутное масло жалуешь? — спросил Му Июань, вымешивая фарш.

— Вообще ем, но тебе не кажется, что оно весь вкус перебьёт? — Му Цинли всыпал в миску мелко порубленный имбирь и зелёный лук.

— Пожалуй, ты прав, — Му Июань на миг задумался и согласился: — И впрямь перебьёт. Добавь-ка три ложки соевого соуса.

Му Цинли сделал, как тот просил. В ход пошли нарезанные креветки, измельчённая капуста и пара ложек воды, в которой вымачивались морепродукты. В самом конце добавили соль — начинка была готова.

Однако главные трудности ждали впереди. Оказалось, Му Июань совершенно не умел раскатывать сочни: они выходили то слишком огромными, то причудливой формы. За дело взялся Му Цинли. Испортив несколько штук, он быстро набил руку: сочни получались тонкими по краям и плотными в середине — загляденье. Пусть форма была не идеально круглой, выходило весьма недурно. Му Июань только и успевал охать: «Мой Цинли просто мастер на все руки!»

«Твой» Цинли в ответ удостоил его лишь коротким:

— Провались!

Одним махом они налепили сотню пельменей — пузатых, с тонким тестом и горой начинки. Казалось бы, много, но разве это преграда для двух молодых парней, у которых аппетит такой, что хоть святых выноси!

Вскоре на столе стояли две огромные чаши. В каждой — по три десятка пельменей, залитых наваристым костным бульоном. Настоящий суп-цзяоцзы! Остальное выложили на блюдо: кому мало, тот сам добавит. В дополнение Му Цинли нарезал рулет из свиной шкуры и щедро сдобрил его соусом из уксуса, чеснока и сои.

Начинка вышла самую малую толику пересоленной, но это не помешало им уплетать угощение за обе щеки. Вскоре и сотня пельменей, и мясной рулет исчезли в их желудках, оставив тарелки девственно чистыми.

— Вкусно, — выдохнул Му Цинли. Он заметил, что с появлением Му Июаня его аппетит заметно прибавился. Всё-таки трапеза в приятной компании — совсем иное дело.

— Через пару дней ещё приготовлю, — улыбнулся Му Июань. Ему и самому казалось, что еда

рядом с его Цинли становится в разы ароматнее.

— Ловлю на слове! — Цинли вдруг понял, что в этом году праздник будет особенным, хотя раньше он и не придавал Новому году значения.

Дни за хлопотами летели незаметно. Му Цинли и Му Июань драили комнаты, пекли пампушки-маньтоу, тушили мясо — дел было невпроворот. Перебрав все вещи в домах долины Жо, они нашли обрывки красной бумаги. Писать парные надписи не стали, просто вывели иероглиф «счастье» и расклеили на дверях. Му Июань даже откопал отрез красного флёра и, недолго думая, смастерил два фонаря. Когда он повесил их под стрехой, дом мгновенно преобразился, наполнившись праздничным настроением.

— Этот шёлк ведь женский? — Му Июань задумчиво разглядывал фонари. Флёр был настолько тонким, что пришлось натягивать его в два слоя.

— Среди Небежденных детей бывают не только мужчины, но и женщины. Просто они встречаются крайне редко. Наверное, в глазах людей женская красота естественна, а вот если мужчина слишком прекрасен... это кажется им чем-то противоестественным, — прошептал Му Цинли, глядя на алые отсветы под крышей.

В его глазах застыла пустота, от которой у Му Июаня болезненно сжалось сердце.

Му Цинли замолчал и внимательно — насколько это было возможно для него — «посмотрел» на Лун Юя.

— Родись ты в тех краях, тебя бы точно приняли за Небежденного ребенка.

Лун Юй, не выпуская чашки из рук, понимающе улыбнулся.

— Потому что я слишком хорош собой?

— Потому что ты слишком искушающ, — Цинли склонил голову, словно и впрямь видел собеседника. — В тебе... мало человеческого.

Фраза звучала двусмысленно, но Лун Юй лишь рассмеялся — ещё более притягательно и вкрадчиво.

Му Июань, похоже, и вовсе не собирался уходить. Миновал Новый год, метели утихли. Пару раз люди привозили провизию, но Июань даже не взглянул в сторону выхода.

Поговаривали, что его мачеха родила дочь. Люди, доставлявшие еду, уговаривали его вернуться — как-никак старший сын в семье. Но он оставался непреклонен.

Так пролетело два года. Мачеха родила снова. Июань лишь усмехнулся: баба рожала по ребёнку в полтора года, да только снова на свет появилась девка. И вот тогда отец Му не выдержал и явился сам.

Поначалу старик Му не решался войти в долину, но Му Июань не пожелал выходить к нему навстречу. Делать нечего — пришлось идти внутрь. И первым, кого он увидел, был вовсе не его непутёвый сын. На веранде под деревом сидел изящный юноша. Он был погружён в чтение, но, почувствовав чужака, поднял взгляд. Он полоснул старика холодным взглядом фиолетово-чёрных глаз. Отец Му невольно вздрогнул, ощутив, как по спине пробежал ледяной сквозняк. Когда он опомнился, юноша уже снова уткнулся в книгу, не удостоив гостя даже кивком.

Только старик собрался заговорить, как появился Му Июань. Он шёл с мокрыми волосами, в одной рубахе на распашку. Увидев отца, он лишь нахмурился:

— Зачем пришёл?

Отец Му мгновенно вспыхнул:

— Паршивец! Как ты с отцом разговариваешь?!

— Давай к делу, — холодно отрезал Июань.

В детстве он отчаянно жаждал отцовского внимания, но чем старше становился, тем яснее видел несправедливость. Когда мачеха подстроила всё так, будто он толкнул её и едва не довёл до выкидыша, отец, не раздумывая, принял её сторону. Тогда в Июане и выкипела последняя капля надежды.

Старик Му, видя состояние сына, понял, что тогда перегнул палку. Он подавил гнев и заговорил мягче:

— Июань, тебя два года дома не было. Отец скучает.

Му Июань лишь горько усмехнулся:

— Это твоя жёнушка никак сына не родит, вот ты обо мне и вспомнил. Испугался, что в старости стакан воды подать некому будет? Так женись снова, пока наследник не получится.

— Июань, я твой отец! Какой бы ни была моя вина, ты не должен...

— Ты прав, — перебил его сын. — В этом мире родители всегда «правы». И эта святая истина развязывает вам руки. Творите что хотите.

— Возвращайся домой, я сам во всём разберусь, — примирительно проговорил отец Му. — Клянусь, отныне я буду на твоей стороне. Пойдём, а?

— Та баба сама упала, а сказала — я толкнул. Ты ей поверил. И сейчас я не верю ни единому твоему слову! — Июань не собирался прыгать обратно в костёр. Раз его предали однажды, предадут и снова.

Старик Му почувствовал, как в груди что-то оборвалось. Сын стал чужим. Но ведь кровь не водица! Не понимает сейчас — поймёт, когда свою семью заведёт. О, к слову о семье... Парню-то скоро двадцать!

— Ладно, Июань, оставим это. Тебе жениться пора. Поедем со мной, найдём тебе добрую невесту. Пусть мать твоя на том свете спит спокойно.

Старик говорил проникновенно, но для Июаня эти слова отозвались лишь фальшью.

— Хочешь навязать мне бабу, чтоб привязать к дому? — взгляд Июаня стал ледяным. Он не мог представить, как будет жить с незнакомкой, растить детей... жить так же, как они с Цинли? Он вдруг осекся. С чего он вообще сравнил их жизнь с Цинли с браком?

— Что ты такое несёшь! — нахмурился отец Му. — В твои годы у меня уже ты родился.

— Не хочу губить женщину, как ты погубил мою мать, — отрезал Июань.

— Ты всё ещё таишь на меня злобу? — старику стало не по себе от такой холодности.

Му Июань лишь смерил его презрительным взглядом:

— А разве не должен?

— Июань!

— Уходи. Мне и здесь хорошо.

Старик Му открыл было рот, но тут Му Цинли, не отрываясь от книги, произнёс:

— У тебя ещё будет сын.

Старик изумлённо обернулся. Встретившись со странным взглядом фиолетово-чёрных глаз, он снова вздрогнул. До него дошло: перед ним Небежденный ребенок. Тот, кто видит будущее.

— У тебя ещё будет сын, — повторил Цинли, и в глубине его глаз промелькнула холодная усмешка.

Настроение старика мгновенно переменилось. Раз будет наследник — может, уже в следующем году! — то зачем цепляться за этого строптивого сына? Можно вырастить нового, по своему вкусу.

— Раз так нравится — оставайся, — бросил отец Му.

Гнев его улетучился, сменившись предвкушением. А Му Июань в тот миг окончательно увидел истинную суть этого человека. Старик ушёл.

— Цинли, ты ведь не шутил? — спросил Июань, присаживаясь рядом.

— Конечно нет, — Цинли сощурился, глядя вслед уходящему мужчине. — Вот только...

— Что?

— У твоего отца с этим сыном не будет «связи».

— В смысле? — не понял Июань.

— Слышал когда-нибудь о посмертных детях?

Июань нахмурился. Ребёнок родится, когда отца уже не будет в живых... Если мачеха станет его растить, кто знает, в какое чудовище он превратится.

Словно прочитав его мысли, Цинли рассмеялся:

— Твой брат... он не познает ни отцовской любви, ни материнской заботы.

— Я уж испугался, что он тоже родится Небежденным ребенком, — хмыкнул Июань.

— Эй, он всё-таки твой брат, полегче на поворотах, — Цинли шутливо фыркнул. — Что, неужто и впрямь захотел вернуться и на жене жениться? — в его голосе проскользнула едва уловимая

нотка горечи.

Му Июань, полулежа на веранде, впери́л в него пристальный взгляд. Цинли стало не по себе.

— Да что ты так смотришь! — он воинственно вскинулся, как маленький зверёк, хотя на душе почему-то стало тревожно.

— А ведь я и вправду хочу жениться, — Му Июань протянул руку и, крепко перехватив запястье Цинли, притянул его к себе. — На тебе жениться хочу.

«На тебе жениться хочу!»

Эти слова громом прогрехотали в ушах Му Цинли, лишив его дара речи. Он лишь глупо хлопал глазами, не в силах пошевелиться. Му Июань большим пальцем медленно поглаживал кожу на его запястье. В широко распахнутых глазах юноши он видел шок, но не видел отвращения. Напротив, в них теплилась робкая радость.

Значит ли это, что Цинли тоже его любит?

Притянув его совсем близко, Июань, не давая опомниться, накрыл его губы своими. И в тот миг, когда он коснулся этой нежности, в голове осталась лишь одна мысль: «Какие мягкие...»

Му Цинли почувствовал обжигающий жар, и в голове всё окончательно поплыло. Совершенно растерявшись, он коснулся губ кончиком языка, пытаясь осознать происходящее, но эта невинная попытка стала роковой. Му Июань, одной рукой сжимая его затылок, а другой — запястье, перехватил инициативу и углубил поцелуй, забирая всё без остатка.

Цинли, окончательно обессилев, вцепился в одежду Июаня, чувствуя, как слабеют колени.

А ощущение-то было... чудесным.

<http://bllate.org/book/17533/1706764>